

иконы и произведения живописи, многие из которых окажутся потом в музее.

— Как продвигаются ваши работы, Василий Васильевич? — спрашивает Титов.

— Неплохо. Но мне нужно больше натур, — отвечает Верещагин. — Не могли бы вы достать мне хотя бы ненадолго крестьянский армяк желтого цвета?

— Непременно желтого?

— Да, а еще мне нужна меховая шапка, какую носили в начале столетия, треух.

— А позвольте полюбопытствовать, зачем вам это?

— Нужно, — говорит Верещагин. — Хочу написать русского мужика, эдакого богатыря-крестьянина. Так и стоит он у меня перед глазами, ждет в засаде, когда подойдут французы.

— А при чем здесь церковь Иоанна Богослова?

— Еще не знаю. Но как-то зримо представляю себе французов, которые нагло устраивали себе квартиры в наших храмах. «Где стол был яств, там гроб стоит» — помните такую строчку из Пушкина?

— Не знаю краше, как мне помочь вам, — размышляет Титов. — Я распоряжусь, конечно, но, думаю, лучше Ивана Александровича вашу просьбу никто не исполнит. Вы обратитесь к нему, к Шлякову.

Они помолчали.

— А что, Василий Васильевич, помогают ли вам ростовские древности? Расскажите что-нибудь.

— Я, вы знаете, Андрей Александрович, в разные годы долго и помогу бродил по местам Бородинского поля и по путям, по которым в Московской и Смоленской губерниях наступала, а потом бежала прославленная армия Наполеона. Делал я там многие зарисовки народных типов и пейзажа. Ведь картины мои — это не фантазия моя, а натура, натура.

Я уверен, что поднялся наш народ на французов после того, как осквернение святынь увидел. Поэтому очень интересно мне древности осматривать. Ведь, если хотите, это они и победили. Вот в Ростове я с удовольствием древности пишу.

Меня, правда, поносят в прессе за то, что я, дескать, поругание святынь изображаю. Ну, да это пустое! Ведь у меня цель совсем иная — показать великий национальный дух, мужество и героизм народа. А эти господа-критиканы понятия не имеют о целях искусства и о миссии художника. Им бои Святослава с Цимихеем подавай, да чтоб краски поярче были.

А для меня крестьянин, сидящий в засаде на француза, важнее, потому что в нем артистичность есть, та самая артистичность, которая хороших людей покоряет, а плохих отваживает. Этот крестьянин такой же артист, как и композитор, который прекрасную симфонию пишет.

Это во всякой профессии так. Есть, например, военные-ремесленники, а есть военные-артисты. Первый будет браво гнать неприятеля и, может быть, перебить у него много народа, но он не сделает того, на что способен артистический темперамент, который сообразит, как обойти, обложить неприятельские силы и заставить их без боя сложить оружие. Я ведь рассказывал, как у Скобелева служил. Вот он генерал-художник, истинный художник.

— Так что же, Василий Васильевич, мо-

жет, не стоит тогда о Святославе рукописи всякие искать?

— Ну что вы, Андрей Александрович! Я ведь совсем не о том. Вы благороднейшее дело делаете. Ваш артистизм весь в музее. Ведь то, что вы собрали, скольких мальчишек любви к Отечеству научит, настоящей, той, что на подвиги зовет!

Вот и Кекин — артист, настоящий артист, хоть и учился он, я знаю, всего полтора года. А разве поставив его на одну доску с этими шелкоперами с университетскими дипломами, что об искусстве рассуждают?

— Славно, славно, Василий Васильевич! И я того же мнения. А треух-то мы вам доставим, не беспокойтесь.

Они улыбаются. Верещагин просит принести ему саквояж, достает из него свою книгу «Путевые записки», пишет на ней: «Многоуважаемому Андрею Александровичу Титову от автора». Пишет карандашом, который оказался в кармане сюртука, потому что на улице жара и не хочется вставать за чернилами...

Посетители ростовского музея подолгу стоят у древних царских врат, перенесенных сюда из церкви Иоанна Богослова на Ишне. Это уникальное произведение искусства XVI века — совершенная гармония пропорций, тончайшая резьба, изысканная живопись клейм.

Но, пожалуй, лишь немногие искусствоведы знают, что именно эти врата, а с ними почти весь иконостас изображены на картине Верещагина «На этапе. Дурные вести из Франции», и, стало быть, произведение художника «Интерьер церкви Иоанна Богослова на Ишне близ Ростова Ярославского», по существу, явилось началом, а может быть, и отправной точкой цикла работ об Отечественной войне 1812 года, вершиной которого стала работа «Не замай! Дай подойти».

* * *

На этом ветхом от времени небольшом листке бумаги, что хранится в архиве ростовского музея, сверху крупными буквами напечатано: «Охранная грамота». И далее: «Московский Библиотечный Отдел настоящим удостоверяет, что библиотека Ростовского музея древности, истории археологии, естественно-исторических дисциплин и старопечатных книг в количестве 25 000, находящаяся в г. Ростове Ярославской губернии, реквизиции не подлежит».

Этот бесценный документ получил в апреле 1921 года первый советский заведующий музеем Димитрий Александрович Ушаков.

На его глазах ростовский музей из общественного становился государственным, получал возможность без оглядок на отсутствие средств пополнять фонды, вести научную работу, расширяться.

По тем временам это были меры необходимые: хоть и выражали ростовцы после открытия музея уверенность, что «он не захиреет сам», хоть и заверяли ярославского губернатора в том, что «по многим признакам, сопровождавшим возникновение музея, нет оснований опасаться для него... болезненного кризиса», все же опасность такого замирания и такого кризиса появилась, и немалая.

Еще в конце прошлого века проектом музейного устава предусматривалось, например, «уведомить священнослужителей о собирании предметов археологии и быта» — тем самым закладывались основы будущей научной работы, однако исполнение такого уведомления, а тем более такого собирательства было отложено, как говорят, до лучших времен. Осталось на бумаге и многое другое...

К началу первой мировой войны почти никого из устроителей музея уже не было в живых.

В 1897 году в Ростов перевезен и захоронен в Троице-Варницком монастыре А. Л. Кекин, умерший в Ленкорани. В год открытия гимназии имени Кекина скончался от приступа грудной жабы А. А. Титов. Погиб на броненосце «Петропавловск» под Порт-Артуром В. В. Верещагин. Ушли из жизни А. С. Уваров, И. Е. Забелин, В. В. Стасов, В. О. Ключевский...

И стоял в Ростове своеобразный и величественный памятник их деятельности — музей, переживший мировую войну, вступивший в новую советскую эпоху. И обретал он тогда новые социальные функции. Нелегким был этот процесс...

Медленно катит телега... Лошаденка еле тащит ее по пыльной дороге Ростовского уезда. «Хорошо, что хоть такой «экипаж» есть, — думает возничий и, обращаясь к своему одинокому спутнику, говорит: — Ничего, потерпим. Время сейчас тяжелое».

Время действительно было тяжелое не только для двух молодых сотрудников ростовского музея Д. А. Ушакова и В. Н. Иванова, которые так необычно отправились на пополнение коллекции музея, но и для всех ростовцев, для всей страны — конец гражданской войны, разруха, голод...

А между тем удивительно много делалось тогда по охране памятников.

— Как вам понравился А. В. Луначарский? — спрашивает Иванов.

— Очень понравился, — отвечает Ушаков. — Как хорошо он сказал: «Бейте по рукам тех, кто покушается на ростовские древности». А то уж от этого Общества безбожников житья совсем не стало — для них все наши экспонаты не достояние, а опиум для народа. Надо же и о будущем думать.

Они помолчали, вспоминая каждый те несколько дней, когда они общались с приехавшим в Ростов первым советским наркомом просвещения.

— Вот у меня с каждым «батей» свои отношения. Они знают, что все нами собранное не пропадет, а окажется в музее, потому и отдадут без боязни, даже охотно, — говорит Ушаков.

— Меня волнует больше, как по-новому устроить экспозицию, Дмитрий Александрович, — отвечает Иванов. — Теперешние отделы истории, археологии, этнографии и книжный, я думаю, не годятся. Нужно делать музей доступным и понятным самой широкой публике. Может, сделать экспозицию по жанрам искусств: иконы, финифть, фарфор?

— Надо подумать, Владимир Николаевич, — отвечает Ушаков.

Им еще предстоит не один год работать в музее, а пока они не знают, что со временем он превратится в солидное научное учреждение, что его собрание пополнится невиданными находками, что весь кремль станет музеем-заповедником.

Не знают они и о том, что будут для музея и трудные времена, когда возникнет злая воля закрыть его или когда многое найденное в городе окажется не в фондах, а уплывет неведомо куда через руки ловких «собираателей». Не знают они, что будет великая война, что случится над Ростовом смерч, что после реставрации будет устроен в кремле международный молодежный центр и что кремлевские древности каждый день будут осматривать туристы со всей страны и со всего мира.

Не знают они, конечно, и о том, что Дмитрий Александрович Ушаков окончит свои дни в далекой Сибири в 1940 году, а Владимир Николаевич Иванов станет одним из руководителей Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, примет деятельное участие в реставрации кремля после смерча, напишет книги о Ростове...

Одиноко грохочет телега по ухабам пыльной ростовской дороги. Идет еще только 1921 год...

* * *

Веру, надежду, любовь справедливо считал Дмитрий Ростовский «первыми и нужными добродетелями человека».

Более одиннадцати веков стоит Ростов Великий на берегу озера Неро. Сколько поколений жило в нем с верой и надеждой на будущность, с любовью к ближнему и к своему городу!

Если плыть светлой ночью по тихому Неро на лодке, то кажется, что звезды не только на небе, но и вокруг, и снизу, потому что небо сливается с водой и отражается в ней.

Легко потеряться, не будь перистых облаков, которые светлой ночью обязательно белеют на востоке, и не будь кремля. Как волшебный остров возвышается он над водами, и будто не древние башни и купола глядят и манят издали, а неведомые очи таинственного пришельца из космоса.

Плывут над головой легкие перистые облака. Говорят, это души умерших праведников. Как и кремль, не дадут они пропасть человеку ни в ночном Неро, ни в жизни.

Нет больше среди нас художника Верещагина, высокие деревья растут над могилами Титова и Кекина. Баниге, Дмитрий, Уваров, Ушаков, Шляков, Королевы... Несть им числа, как и звездам на небе.

«Надежда есть добродетель, свыше влияющая, через которую... ожидается благая вечная жизнь», — мудро заметил Дмитрий.

Эти люди жили с надеждой, что не пропадет Ростов и будет стоять, доколе хоть один русский останется на земле. Они любили свой город и веровали в его благую вечную жизнь...

Н. Н. Визжилин